

Оглавление

"Философия пробудившегося человека".

Краткий очерк истории анархизма в XIX-XX веках.

Истоки.

Уильям Годвин и Макс Штирнер.

Пьер-Жозеф Прудон.

Михаил Бакунин.

Анархисты в Первом Интернационале и в Парижской Коммуне.

Анархическое движение рубежа XIX-XX веков.

Петр Кропоткин.

Революционный синдикализм, анархо-синдикализм и аргентинская ФОРА.

Анархисты в Великой Российской революции 1917-1921 годов.

Анархисты и гражданская война в Испании 1936-1939 годов.

1968 год и современное анархическое движение.

Анархические письма

Письмо первое

Письмо второе

Письмо третье. Робинзон или муравей

Письмо четвертое. Революционер

"Философия пробудившегося человека"

Нынешний всеобъемлющий кризис и порождаемая им ситуация тотальной нестабильности и неопределенности делают казавшееся недавно незыблемым -- шатким и ненадежным, а казавшееся утопичным и невозможным -- реальным и жгуче актуальным, превращают забытое старое в злободневное новое. Возможный крах всей существующей системы ценностей, представлений и институтов заставляет многих обратиться к таким учениям и движениям, которые принципиально находятся вне этой системы, отрицают ее и уводят за ее пределы. Вновь становится актуальным призыв французских бунтарей 1960-ых годов: "Мы должны стать такими же радикальными, как сама реальность!" Все составные элементы сегодняшней общественной жизни взаимосвязаны: капитализм и бюрократизм, индустриализм и урбанизм, потребительские ценности и массовая культура, милитаризм и патриотизм. (Яркий пример: атомная энергетика, угрожающая природе, обслуживающая нужды военного комплекса и тесно связанная с крупной промышленностью).

Философией и движением, безусловно отрицающим всю эту Систему, подвергающим ее всеобъемлющей критике и предлагающим альтернативу для личности и общества, является анархизм. Анархическое движение сегодня достаточно маргинализировано, находится на периферии массового внимания (как и всякое проявление живой, спонтанной, неподконтрольной общественной жизни). И лишь события, подобные декабрьским бунтам в Греции (когда в ответ на убийство полицейскими подростка анархиста тысячи анархистов вышли на улицы, громя банки и полицейские участки) выводят его на авансцену. В анархизме очень существенно начало отрицания ("Дух разрушающий есть дух созидующий", -- говорил Бакунин). Но это творческое отрицание конструктивно: отрицая власть, мы предлагаем взамен самоуправление, отрицая жалкие игры в "реальную политику", предлагаем иную, более человечную реальность, отрицая тюрьмы, армию, индустриальную цивилизацию, буржуазную конкуренцию, неравенство, массовую культуру, мы предлагаем взамен -- общество солидарности и свободы, федерацию самоуправляющихся общин, коллективов и индивидов.

Что же такое анархизм? Чем он является и чем не является? И что такое анархия? Можно определенно сказать: анархия -- *не* беспорядок, *не* идеология партии, *не* бесплодное мечтание фантазеров. Анархия -- это не хаос, а гармоничное общество свободных личностей. Общество не дезорганизованное, а просто организованное на иных, невластнических началах и состоящее из людей, движимых иными ценностями. Анархизм же можно понимать в нескольких смыслах: как социальное учение со своим идеалом общества, как философское мировоззрение со своей системой ценностей (в центре которых личность и ее свобода), как субкультуру и движение с определенным набором личных и общественных практик и дискурсов. Разумеется, одно тесно связано с другим, поскольку "вера без дел мертва". Анархизмом нельзя "заниматься"; можно *быть* анархистом, исповедовать и проповедовать анархизм, активно способствуя всему тому, что пробуждает в людях человеческое достоинство и закладывает кирпичики общественного самоуправления -- вне, помимо и против власти. Важен принцип: мыслить глобально, действовать локально. Выдающийся русский анархист первой трети XX века Алексей Боровой назвал анархизм "романтическим учением с реалистической тактикой" и "философией пробудившегося человека".

Анархизм существовал на протяжении всей известной человеческой истории. В различные эпохи мы находим стихийные порывы народных масс к самоуправлению, безвластию и построению общества без насилия, иерархии и принуждения, стремление личности к обретению максимально возможной свободы. Греческий полис (в котором государство не существовало отдельно от общества и все вопросы решались на народных собраниях) и исландский тинг (народное собрание), сельские и городские общины средних веков и коммуны Нового времени (например, толстовские коммуны, израильские кибуцы или индийский Ауровиль), религиозные движения духоборов и анабаптистов, рабочие Советы в России в 1905 году или в Венгрии в 1956 году -- вот лишь немногие, несовершенные, но вполне реальные примеры массового анархического творчества "снизу". Параллельно развивалась многоликая и пестрая анархическая мысль: от отдельных мечтаний поэтов и философов до развернутых и продуманных учений. Вот далеко не полный перечень имен и течений: китайские даосы, греческие софисты, киники и стоики, анархические пророки раннего и средневекового христианства (например, русский еретик XVI века Феодосий Косой), Франсуа Рабле, диггеры Английской революции XVII века...

В современном виде анархизм оформляется, осознает себя как один из ответов (наряду с либерализмом, консерватизмом и государственным социализмом) на вызовы эпохи модерна: с утверждением индустриально-буржуазно-бюрократической цивилизации, с надеждами и разочарованиями, порожденными Великой Французской революцией, с бурным ростом самосознания личности. Два основных состояния общества последних трех веков гениально зафиксировал Томас Гоббс: или всеобщая буржуазная "война всех против всех", взаимная конкуренция, или же Левиафан всеобъемлющего отеческого государства, отнимающего у людей свободу в обмен на безопасность. Слова Бакунина: "Свобода без социализма -- это привилегия и несправедливость. Социализм без свободы -- это рабство и скотство", -- во многом задают вектор анархической мысли. Мы, первые анархисты конца 1980-ых годов, уже хорошо знали, что являет собой "социализм без свободы" и догадывались о том, что нам вскоре преподнесет "свобода без социализма". Анархизм (либертарный социализм) пытается найти свой "третий путь" между Сциллой государственного социализма и Харибдой капитализма. В своей борьбе против Государства и Капитала анархисты подчеркивают глубинное тождество власти и эксплуатации как двух сторон насилия над человеком. "Вертикали власти" анархизм противопоставляет "горизонталь общества" и развитую свободную личность, осознавшую свои права и готовую сотрудничать с другими.

Другой важный принцип был сформулирован Пьером Жозефом; Прудоном: "Анархия -- мать порядка!" Все принимают эти слова за нелепость и насмешку. Однако это парадоксальная истина: без свободы не подлинного порядка; лишь децентрализованное общество, построенное, как сейчас говорят, "по сетевому принципу", может быть прочным и человечным, тогда как порядок, основанный на государственном насилии и страхе -- бесчеловечен и ненадежен.

Важно не смешивать (как сплошь и рядом бывает) государство и общество. Человек может жить вне государства, но не может обойтись без общества. По словам американского анархиста Б. Таккера, государство и общество едины в той же мере, в какой едины ягненок и волк, который этого ягненка скушал. Как известно, всякая власть развращает человека, абсолютная же власть развращает абсолютно (вспомните хотя бы Кольцо Всевластия у Толкиена). Государство стоит на страже интересов эксплуататорских классов, порождает патриотизм и войны, разделяет людей границами. Порабощает человека. По словам Бакунина: "Добродетельное государство -- это слабое государство, да и оно преступно в своих намерениях". Поэтому свободная личность, сильное общество и слабое государство -- вот за что мы выступаем.

Базовые принципы анархизма: федерализм, свободный договор, взаимопомощь, прямая демократия (в противовес представительной) и прямое действие. "Прямое действие" означает осуществление человеком своих прав явочным порядком, не через посредников и представителей. Актами прямого действия являются захват работниками своего предприятия или же явочное осуществление свободы слова и шествий. (Этот принцип -- DIY -- do it yourself (сделай сам) -- например, является фундаментом всей панковской субкультуры). Не ждать, когда добрые дяди политики позаботятся о своих подопечных, а действовать самим -- вот суть прямого действия. В принципах прямого действия и прямой демократии реализуется чрезвычайно важная для анархистов идея неразрывного единства целей и средств. Нельзя освободить человека через порабощение и диктатуру, нельзя придти к ликвидации государства через его усиление (как предлагал Маркс, пророчески раскритикованный Бакуниным в 1870-ые годы). Поэтому анархия для нас -- это не только далекий идеал, но и наше повседневное сопротивление, практика нашего движения: вегетарианство (гуманное отношение к природе), феминизм (отрицание патриархата), выстраивание собственного движения не по "вертикали", на началах представительства и централизма, а на основе горизонтальных связей и общих собраний. Анархизм -- это непрерывный диалог, творчество, поиск, открытость всему человеческому, а вовсе не очередной "изм", застывший в самодовольной инерции, нетерпимый и знающий "как надо" и "как будет".

Влияние анархизма на социальную историю и культуру двух последних столетий огромно. Анархизм сформировал ряд идейных концепций, движений и субкультур, оставил отпечаток в литературе и искусстве, поднял вопросы о свободе, самоуправлении, критике эксплуатации, иерархии, отчуждения, технократии. Вот лишь несколько имен, фактов и событий, взятых почти наугад. Анархисты играли видную роль в Международном Товариществе Рабочих (Первом Интернационале), в Парижской Коммуне, повстанческих движениях Италии и Испании. Автор великой песни "Интернационал" Эжен Потье был анархистом. Первое Мая -- Международный день солидарности трудящихся отмечается в память о казненных в Чикаго в 1886 году рабочих анархистах, боровшихся за восьмичасовой рабочий день. Анархисты доминировали в русском народничестве, сыграли решающую роль в Испанской революции 1936--1939 годов и во всемирной революции 1968 года, в Великой Российской революции 1917--1921 годов (достаточно вспомнить Махновское повстанческое движение или Кронштадтское восстание 1921 года), в современном альтерглобалистском движении. Италия и Испания, Швейцария и Франция, США и Аргентина, Россия и Германия, Китай

и Япония знали за последние столетия профсоюзы и восстания, коммуны и кооперативы, экологические и феминистские движения под черно-красными флагами (черный -- цвет свободы, красный -- цвет солидарности).

Без влияния анархизма трудно представить себе философию экзистенциализма (анархизму симпатизировали Камю и Сартр) и Франкфуртской школы, искусство сюрреалистов, многие контркультуры, современную философию науки (упомяну лишь "эпистемологический анархизм" Пола Фейерабенда и бурно развивающуюся ныне синергетику -- учение о самоорганизации в природе и обществе). Мало кто знает и о том, что поэты Перси Биши Шелли и Уолт Уитмен, писатели Ярослав Гашек, Франц Кафка, Михаил Осоргин, Генрик Ибсен, Лев Толстой, Урсула Ле Гуин, художник Камилль Писарро, философы Мартин Бубер, Ноам Чомски и Василий Налимов связаны с анархизмом... Все это как-то не вяжется с карикатурным расхожим образом анархиста -- погромщика и пьяного матроса.

Идеи анархизма столь привлекательны, что стратегия власть имущих в отношении анархизма всегда сводилась к четырем способам борьбы. Первый -- музейфикация: попытка представить анархизм в виде музейного "экспоната" из далекого прошлого. Второй -- коммерциализация: превращение анархизма в поповую фразу, значки, брэнды, ходко идущий товар, утрачивающий свое революционное содержание и всякий смысл. Третий -- клевета: отождествление анархизма с бессмысленным насилием или маниловским прожектерством, обвинение его в деструктивности и утопизме. Четвертый -- замалчивание: просто игнорирование анархизма, не снисходящее до полемики с ним по существу.

Остановлюсь лишь на обвинении анархизма в несбыточности и утопизме. Прежде всего, никогда не следует говорить: "этого не будет", "это невозможно". Всего несколько столетий назад рабство (а чуть раньше -- и каннибализм) казались столь же естественными и незыблемыми, сколь нам сегодня кажутся естественными и незыблемыми государство и капитализм. Кроме того, поражает "неумираемость" анархизма: самые разные люди и движения, в разные эпохи (часто независимо друг от друга) воскрешали из небытия его принципы: свободу, спонтанность, федерализм, самоуправление, свободный договор. Значит, он, по меньшей мере, столь же не чужд человеческой природе, как и холопство, стремление к господству и конкуренции. В людях есть всякое: и святое, и грешное. Человечество породило и Сократа и Нерона, и Пол Пота и Бакунина, и Гитлера и Корчака, и империи и бунтарей, эти империи разрушающих. Анархисты апеллируют к совести, самосознанию, духу протеста, человеческому достоинству в человеке, тогда как, например, патриоты апеллируют к стадности, зверству и нетерпимости; государственники -- к инерции, страху и стремлению к безопасности и безответственности; а либералы -- к холодному бухгалтерскому расчету, вечно высчитывающему баланс выгод и затрат. И, наконец, самое главное. Пусть анархизм -- утопичен. Но давно пора реабилитировать слово "утопия", как синоним мечты, надежды, идеала. Отказ от утопий, от сопротивления, от отрицания нынешнего постыдного состояния, радикальный антиутопизм современных людей (убежденных в том, что "благими намерениями вымощена дорога в ад" и "от нас ничего не зависит") -- ведет к катастрофе. Человек, отказывающийся от попыток стать субъектом истории или творцом своей судьбы -- неизбежно становится объектом манипуляций и пушечным мясом в корыстных руках политиков. Вера в то, что "все будет так, как есть, иначе быть не может" -- одна из самых опасных иллюзий, и очень выгодна власть имущим. Анархизм по своей сути антипартиен и антиполитичен, ибо он борется не за захват власти, а за смену правил игры -- за уничтожение политики, как сферы властных отношений, за прямую демократию (а не за представительную, в которой все решают чиновники и депутаты, будто бы представляющие интересы избирателей).

Уничтоженный большевиками в 1930-ые годы, анархизм начал возрождаться в СССР в 1987--1988 годах. Крупнейшие организации российских анархистов: Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС; 1989--1991 годы), анархо-экологическое движение "Хранители Радуги" (расцвет его приходится на 1990-ые годы), "Автономное Действие" (возникло на рубеже 2000-ого года и существует до сих пор).

В августе 1991 года анархисты построили и защищали две баррикады у Дома Советов, участвовали в санитарной дружине в октябре 1993 года (помогая всем жертвам конфликта), занимаются восстановлением усадьбы Бакунина в селе Прямухино под Торжком, активно боролись против обеих Чеченских войн, проявляют активность в студенческом, феминистском, антимилитаристском, рабочем движении, создают свои кружки, библиотеки и лектории для самообразования, снимают фильмы, выпускают немало журналов, газет и брошюр. Десятки экологических лагерей протеста, фестивали "День Дезертира", "Черный Петроград" и Либертарные Форумы, сквоты, проекты движений Food not bombs (Еда вместо бомб; раздача еды бездомным и антимилитаризм), "Критическая масса" (акции велосипедистов против засилья транспорта), лагеря протеста "Нет границам", медиаактивизм в Интернете, драки с фашистами на улицах, несанкционированные властями шествия, попытки создания коммун и профсоюзов, участие в рабочих выступлениях и протестах против "точечной застройки", группы Анархического Черного Креста (помогающие арестованным анархистам и социальным активистам), концерты музыкальных групп -- все это будни сегодняшнего российского анархизма, ставшего частью мирового анархического движения. Растет мартиролог наших товарищей, среди которых и анархист Илья Бородаенко, убитый фашистами летом 2007 года во время ночного нападения на антиатомный экологический лагерь протеста в Ангарске, и журналистка Настя Бабурова, застреленная 19 января 2009 года в центре Москвы вместе со Стасом Маркеловым. Между властью и обществом, между трудом и капиталом идет настоящая война, и мы, анархисты, в этой войне не прячемся за чужие спины. Пока наше движение не очень многочисленно: несколько сотен активистов, несколько тысяч эпизодических участников в полусотне городов России. Многие анархисты не входят в какие-либо организации или движения, но проявляют себя в различных инициативах и проектах. В движении нет формальных лидеров и центральных органов: все решается на общих собраниях, съездах, конференциях (при этом мы стремимся к консенсусу, и меньшинство не обязано выполнять решения меньшинства).

Многое мы заимствуем из западного опыта (поскольку там либертарная традиция не была насильственно прервана): многие идеи, формы организации, "автономизм" как субкультуру, альтерглобалистскую проблематику, рефлексию на темы вегетарианства и феминизма. Однако Россия -- страна, вся история которой представляет собой войну государства со своим народом. Это страна, породившая величайших тиранов (начиная с Ивана Калиты и Ивана Грозного и кончая Петром Первым, Лениным и Сталиным), страна, где государство насаждало сверху то крепостное право, то петербургскую бюрократию, то буржуазию и военную индустрию, то большевистский тоталитаризм. Естественно, что именно Россия, в качестве противодействия государственному деспотизму породила и Раина, и огромные казацкие бунты за волю, и трех великих теоретиков анархизма (Бакунина, Кропоткина и Толстого), и Революцию 1917--1921 годов, во многом анархическую по своим импульсам устремлениям, и поэта-диссидента Юрия Галанскова, призывавшего: "Идите и доломайте гнилую тюрьму государства!". В этом смысле современный российский анархизм возвращается к традициям народного и интеллигентского сопротивления государственному гнету. Масштаб вызовов современности порождает масштабность, глубину и радикализм анархической критики: индустриализма, сциентизм, технократизма, бюрократизма, сексизма.

К кому обращаются сегодняшние российские анархисты в своей борьбе? К отдельным личностям. Поскольку общество расколото, перемолото в мясорубке сталинского террора и либеральных "реформ" девяностых годов, "атомизация" -- ключевая характеристика массового общества. Нет развитых горизонтальных связей, нет коллективного самосознания, нет низовых самоуправляющихся институтов взаимной поддержки (вроде общины -- к которой могли апеллировать анархисты еще сто лет назад). Каждый сам по себе, каждый спасается и выживает в одиночку. Есть лишь "тусовки" и субкультуры. Анархизм не может, к несчастью, апеллировать сегодня к обществу, поскольку его еще нет, его еще предстоит создать вновь в процессе борьбы и самоорганизации: из компаний друзей, из кружков самообразования, профсоюзных и антифашистских групп, коммун и сквотов, экологических инициатив, музыкальных и поэтических сообществ.

Анархическое движение очень быстро обновляется: многие, "остепенившись" и "обломавшись", уходят заводить семью и делать карьеру. Движение довольно пестро по составу участников. В нем много молодежи (пришедшей из панковской и хипповской субкультур, под песни Летова и Кинчева: "Убей в себе государство!" и "Красное на черном"), но есть и "цивильные" люди "сильно за тридцать". Анархисты обречены на тотальную конфронтацию с нынешним, смертельно больным обществом, где, по Эриху Фромму, люди живут по принципу "иметь, а не быть", где преобладают конформизм, авторитаризм и потребительство. Господствующие ныне императивы: стремление к власти и подчинению, а не к свободе; к индивидуальной выгоде и конкуренции, а не к коллективному сопротивлению и солидарности; к обезличенности и потребительству, а не к творчеству и личной ответственности -- враждебны анархизму. Анархизм сегодня растет из экзистенциального романтического протеста, из чувства удушья и унижения, из остатков человеческого достоинства, из рудиментарных инстинктов взаимопомощи и социальности. Пока еще люди способны объяснить прохожему на улице "как пройти туда-то", не прося за эту услугу денег, пока друзья собираются на кухне обсудить важные жизненные проблемы не по приказу свыше, пока многие люди стремятся уклониться от военной службы или протестуют против вырубки деревьев под окном -- стихия анархизма еще жива.

Сейчас центр тяжести в анархической деятельности -- не только в России, но и во всем мире -- сместился с теории на индивидуальные и социальные практики, выбор и реализацию определенных жизненных стратегий. В основном анархисты сейчас обороняются, реагируют на действия властей: сопротивляются милицейскому произволу и разгулу фашизма (официального и уличного), борются против увольнений, точечной застройки и строительства экологически вредных предприятий, милитаризма, эксплуатации на рабочих местах, оболванивающей пропаганды. Сегодняшние анархисты - бунтари, интуитивно пытающиеся наощупь строить свой мир, искать единомышленников. "Теорию" им часто заменяют исторические экскурсы, красивые лозунги, эмоциональные порывы. Попытки теоретического осмысления, рефлексии настоящего и собирания фрагментов своей "утопии", фрагментов опыта сопротивления, увы, сегодня отстают от практической борьбы.

Анархизм зарождается в личности (в личном бунте, личном порыве к свободе) и -- переходит на общество. Ибо нельзя быть вполне свободным среди рабов, быть свободным в концлагере. Свобода "внутренняя" требует внешнего -- всеобщего и тотального -- освобождения. "Быть свободным и освободить других" -- так формулировал свое кредо Бакунин. А сочувствовавший анархизму Альбер Камю утверждал, что свободному человеку не нужны рабы -- ему нужны такие же свободные братья. Анархисты пытаются не как-нибудь устроиться в жизни, но переустроить жизнь на совсем иных началах. Но -- и это один из парадоксов анархизма -- свободу нельзя навязать другим силой, диктатом, преподнести в готовом виде. О ней можно свидетельствовать, за нее можно бороться

и выстраивать свой мир, альтернативный существующему. Поэтому бессмысленно спрашивать анархистов: "а что вы будете делать, если вы придете к власти?" Спросите лучше себя: устраивает ли вас ваша жизнь. Наша цель -- не захват власти, а ее разрушение внутри себя и вовне. И сделать это могут только все люди -- свободно и сообща. Нынешний мировой кризис, возможно, таит в себе не только новые опасности, но и новые возможности.

Об авторе

РЯБОВ Петр Владимирович

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии МПГУ им. В. И. Ленина. Историк, философ, публицист, исследователь истории и философии анархизма. С 1987 г. активист анархического движения, с 2002 г. — участник организации либертарных коммунистов «Автономное действие». Автор свыше 200 работ по истории и философии, философской антропологии, истории общественной мысли, истории русской философии и античной культуры, в том числе

монографий: «Великие философы» (М., 2005; совм. с Д. А. Гусевым) и «Философия классического анархизма (проблема личности)» (М., 2007). Центральные проблемы размышлений и исследований П. В. Рябова — экзистенциальная проблематика в современной культуре и история освободительного движения.